

Туркмения стала мне родной

Category: Edebi makalalar, Kitapcy
написано kitapcy | 22 января, 2025

Туркмения стала мне родной «Туркмения стала мне родной»

20 марта с. г. профессору, доктору филологических наук Мяти Косаеву, будь он жив, исполнилось бы 85 лет. Ученый литературовед, он многие годы возглавлял кафедру туркменской литературы в ТГУ им. А.М. Горького, воспитал многих ныне известных за пределами Туркмении писателей, педагогов, критиков.

В 1952 году М. Косаев был репрессирован за якобы антисоветскую агитацию, пропаганду и распространение «буржуазно-националистического» произведения «Коркут-ата» («Книга моего деда Коркута»). Лишь в марте 1958 года верховный суд снял все обвинения с ученого-филолога. Он был восстановлен в партии, вернулся к работе.

Однако за публикацию в марте 1974 года в газете «Мыдам тайяр» статьи «Аксакал Турана», посвященный 80-летию со дня рождения Героя Социалистического Труда Берды Кербабаева, Мяти Косаева освободили от работы, лишили ученого звания, ему был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. В результате такого произвола М. Косаев вскоре тяжело заболел и скончался. Два года назад были отменены касающиеся его постановление и решение как необъективно принятые.

Сегодня «Книга моего деда Коркута», выдающийся литературный памятник национального эпоса, признан шедевром мировой литературы, богатством туркменского народа.

Редакция предлагает читателям воспоминания о Мяти Косаеве и о Туркмении, присланные ленинградской читательницей Еленой Серебровской.

В течении трех лет с августа 1941 года по август 1944 года, я с детьми жила в Ашхабаде. Преподавала в пединституте, была консультантом в газете «Туркменская искра». Писала стихи, переводила с туркменского стихи Кара Сейтлиева, Тоушан Эсеновой, Рухи Алиева, Рахмета Сеидова, Ходжа Шукурова,

Халдурды, Солтанниязова, Помма Нурбердыева, Ата Салиха и других. Перевела пьесу Кербабаева «Махтумкули». Все это печаталось в сборниках и журнале «Совет эдебияты». Однажды в 1942 году меня, тогда комсомолку, пригласили в ЦК КП (б) Туркменистана и предложили мне создать русский отдел в этом журнале. За эту работу я взялась с помощью главного редактора журнала Мяти Косаева.

Этот товарищ внушал к себе уважение с первых же бесед. Он понимал, как мало я знаю культуру Туркмении, творчество здешних писателей, психологию народа. Он рассказывал мне об очень многом. О зарождении туркменской нации, о входивших в нее племенах, об их особенностях. Сам он был теке, подруга моя Тоушан была из алили. Мяти рассказывал мне о многих писателях прошлого, их биографии. Давал мне читать материалы по истории Туркмении, старые дореволюционные газеты, книги с записями туркменских произведений, распространявшихся устно, записки путешественника Вамбери, венгерского еврея, знавшего язык Азии, обернувшегося дервишем, записавшего и таким образом сохранившего множество дестанов и стихов. О Вамбери я знала кое-что из повестей Н. С. Тихонова. Благодаря Мяти я стала лучше понимать народ Туркмении, глубже вникать в подстрочники к переводам.

Мяти относился ко мне очень уважительно и деликатно. Именно к нему, почти как к старшему родственнику, я обращалась с разными вопросами. Помню, как в конце 1941 года или в конце 1942 года, здороваясь со мной в коридоре редакций газет, кое-кто из туркменских товарищей в ответ на мое «здравствуйте» ограничился кивком, не пожал руки, отвел глаза в сторону и поспешил уйти. Я забеспокоилась: может, чем-то нарушаю здешние обычаи? Рассказала Мяти. Он улыбнулся и объяснил, что, напротив, со стороны малознакомых товарищей, это скорее знак уважения, щепетильности. Прикоснуться к руке женщины – уже вольность, знак бесцеремонности. Обо мне знали, что я замужем, муж на фронте, тружусь на двух работах и веду себя строго. Со временем я привыкла к коллегам и они – ко мне, здоровались уже за руку.

Мяти рассказывал мне, что, когда он родился, его поначалу

отдали в богатую, бездетную семью. С ним обращались хорошо, но, спустя известное время, он вернулся к матери. Я видела ее у него дома.

Конечно, был он гостеприимен, как все туркмены. Но в годы войны в Ашхабаде с продуктами было трудно. Хорошо, если имелись связи с родственниками в аулах. Как-то осенью, выходя из института, я увидела его и была приглашена зайти в дом. Он сбегал на огород – там осталась последняя дынька, еще зеленоватая. Но для гостя ничего не жалеют – Мяти подал ее к столу. В его домике я бывала ни раз. Любовалась его крохотной дочкой Гулялек, сынок мой был годом постарше. Спросила шутя: Какой калым готовить, когда буду ее своему сыну? «Три барашка, три мешка риса, три тысячи рублей», - ответил он, смеясь.

Чуткость, деликатность этого человека укрепили мое уважение к туркменскому народу. Во время поездки в Туркмению в начале 70-х годов я узнала, что какие-то вульганизаторы придрались к нему из-за сравнения Берды Кербабаева со стариком из народной сказки. Меня это очень расстроило. С возмущением я писала об этом и самому Мяти, и Мамметназару Хидырову, который в годы войны учил меня туркменскому языку в часы, когда в расписании наших лекций были «окна». Первый из туркмен кандидат филологических наук Баймухаммет Каррыев подарил мне созданную им грамматику туркменского языка. Успехи мои в туркменском языке были скромными и друзья шутя, говорили что это – чабанский туркменский... Подстрочник для перевода пьесы Берды Кербабаева мне готовила Марьям Азизовна, его жена, образованная женщина, знавшая фарси и английский. Непросто готовила – я приходила к ней несколько раз, и она растолковывала мне многие выражения. В переводе этом я сохранила ритм туркменского стиха. Экземпляры журнала «Совет Эдебияты» с переводом этой пьесы я подарила во второй приезд музею Махтумкули в пединституте, ставшим Туркменским госуниверситетом.

Жизни в Туркмении посвящена моя поэма «Саг бол», опубликованный в книгах стихов «Дорога в веру» и «Люблю», 1949 и 1990 гг. Живет Туркмения и в моем романе «Братья с тобой», (в трилогии «Маша Лоза»), вышедшем в свет трижды. Прочитав

эту книгу, Б. Кербабаяев в статье «Прекрасная традиция», опубликованной в «литературной газете» 11 декабря 1965 г., счел нужным сказать:

«Между тридцатым и 65-м годами нет «провала». Отношения наши развивались непрерывно от поколения к поколению. Н. Тихонов, Л. Леонов, П. Скосырев, В. Козин, Ю. Алеша и другие передали «эстафетную палочку» связи с Туркменистаном следующему поколению – К. Симонову, Е. Серебровской, Ю. Трифонову. Готовы подхватить ее и самые молодые»... Творческим связям русских и туркменских писателей посвящена кандидатская диссертация Нурджемал Кулиевой.

Заслуги Мяти Косаева в истории туркменской культуры, несомненно, велики. Пришло время закрепить память об этом выдающемся деятеле, создать музей в домике в саду Кеши, где Мяти с семейством жил. Рядом с таким же домиком бывшего моего студента, чей портрет воссоздан мной в романе «Братья с тобой» под фамилией Курбанов, – первого туркмена Героя Советского Союза Курбана Дурды. Устраивать музей квартиры и так сохранять память о выдающихся людях, было до сих пор европейской традицией. Советский Туркменистан сделал эту традицию своей, чтобы сохранить наглядные следы и документы истории своей культуры.

Туркменские друзья дали мне прозвище Кумюш, так я и подписываю свои письма к ним. Туркмения стала мне родной. Радуюсь тому, что в этой республике нравственное здоровье, советский патриотизм распространены не менее, а скорее, даже более, чем в других наших республиках. Проблем в жизни много, но верю что туркмены в содружестве с другими народами – братьями справятся с любыми проблемами.

Елена Серебровская – Кумюш.

г. Ленинград.

«Туркменская Искра» 20.03.1991 г. Edebi makalalar